

Нотариусы «Русской Атлантиды»

© 2014

А. Друзяка

Статья посвящена истории российского нотариата в Маньчжурии в период с 1899 по 1945 гг. В ней рассмотрены исторические условия, способствовавшие его становлению, основные этапы и специфика развития российских нотариальных учреждений в этой части Азии.

Ключевые слова: нотариус, юстиция, Маньчжурия, Харбин, Порт-Артур.

В истории российско-китайских отношений периода конца XIX — середины XX вв. институту нотариата было суждено сыграть особую роль. Российский нотариат активно способствовал становлению основ гражданских право-отношений в этой части Северо-Восточной Азии, а в 1920 г. стал субъектом достаточно редкого историко-правового прецедента. После упразднения китайскими властями органов российской юстиции и отмены правового режима экстерриториальности иностранцев в Маньчжурии, именно органы нотариата в Харбине были сохранены китайскими властями и вплоть до середины 1940-х гг. выполняли свои функции уже при учреждениях китайского суда и суда Маньчжоу-Го. Вместе с тем, в отечественной и зарубежной историографии институт нотариата в Маньчжурии до сих пор не был рассмотрен как отдельное явление, имевшее, кроме прочего, высокую общественно-политическую значимость.

На рубеже XIX—XX вв. китайская система юстиции не только не имела органов, аналогичных по своей сути и функциям европейскому нотариату, но и не выработала к этому времени подробно разработанной системы гражданского права. Свод гражданского законодательства Китая умещался в то время на нескольких страницах, а большинство правоотношений регулировались конфуцианскими нормами, традициями и обычаями. Российское участие в развитии Маньчжурии, строительство КВЖД и аренда Квантунской области, быстрый рост городов, развитие торговли, привлечение российского и иного иностранного капитала потребовали учреждения здесь органов российской юстиции и введения современного законодательного регулирования в гражданско-правовой сфере.

Первоначально нотариальные функции в Маньчжурии исполняли участковые мировые судьи российских окружных судов. 16 августа 1899 г. было утверждено временное Положение об управлении Квантунской областью, согласно которому на саму область и на южную ветку КВЖД было распространено действие российских судебных уставов и установлений¹.

26 февраля 1900 г. был открыт Порт-Артурский окружной суд. Совещание по вопросам обустройства судебной части в Маньчжурии в составе министра финансов Витте, министра иностранных дел Ламсдорфа и министра юстиции Манухина в заседании 9 июня 1901 г. постановило для отправления правосудия учредить должности мировых судей в полосе отчуждения КВЖД, с их подчинением ведению ближайших окружных судов империи. Эти положения были проведены в жизнь указом Николая II от 20 июля

Друзяка Андрей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Благовещенского государственного педагогического университета. E-mail: druzyaka12@mail.ru.

1901 г. На территорию основной магистрали КВЖД была распространена компетенция Владивостокского и Читинского окружных судов, а на южную ветку дороги от Харбина до Порт-Артура и на Квантунскую область — Порт-Артурского суда². В свою очередь эти суды были подведомственны Иркутской судебной палате.

9 декабря 1902 г. в присутствии генерал-губернатора Приамурья Гродекова был торжественно открыт мировой суд в Харбине. Первым русским мировым судьей здесь был назначен бывший судебный следователь Владивостокского суда Константин Иванович Кайдо.

Согласно указу императора Александра II Правительствующему Сенату от 28 февраля 1880 г. в тех местностях, где не были назначены нотариусы, совершать нотариальные засвидетельствования были обязаны мировые судьи. На линии КВЖД нотариальные обязанности в дальнейшем исполняли участковые мировые судьи на станциях Ханьдаохэцзы, Хайлар, Харбин и Маньчжурия, а также в Порт-Артуре. Основными нотариальными действиями на тот период являлись засвидетельствование подлинности подписей на актах, купчие крепости, закладные, документы на отвод городской земли. В Порт-Артуре и Дальнем в период с 1900 по 1902 гг. было совершено 116 различных нотариальных актов, удостоверенных судебными чинами. В 1903 г. уже был поставлен вопрос об учреждении при Порт-Артурском суде должности старшего нотариуса. Председатель суда В.А.Скворцов в своем докладе в Иркутскую судебную палату сообщал, что общее собрание членов Порт-Артурского окружного суда, состоявшееся 23 января 1903 г., «*учреждение при суде должности старшего нотариуса единогласно признало желательным*»³.

С утратой Порт-Артура и Дальнего в ходе русско-японской войны, главным центром деловой активности в Маньчжурии становится главная станция КВЖД. 7 сентября 1904 г. в Харбин был назначен первый нотариус, Владимир Федорович Адамс⁴. Вторая должность городского нотариуса была введена специальным именованным указом Николая II от 13 сентября 1906 г. После проведения конкурсного отбора на нее был назначен Константин Иванович Кайдо, вышедший в отставку с поста мирового судьи и занимавшийся адвокатской деятельностью.

Как и в большинстве портовых городов и крупных торгово-промышленных центров России, харбинские нотариусы занимали в городской социальной иерархии высокое место, а их правовой статус был уникальным для своего времени. Их должности учреждались специальными императорскими указами, а именные печати украшал не областной герб, как у их коллег в пределах России, а государственный герб империи с двуглавым орлом и короной. Часть проблем, связанных с функционированием нотариата в Харбине, была связана с общей спецификой деятельности органов российской власти в Маньчжурии. Вопросы, касающиеся их деятельности, порой решались на самом высшем уровне управления.

Например, до 1907 г. существенную проблему составляло фактическое отсутствие правового статуса харбинского муниципалитета, так как по действовавшему на территории России законодательству местные сборы нотариусы были обязаны передавать в городскую казну. В связи с отсутствием в полосе отчуждения городов, имевших официальный статус, нотариусы перечисляли местные сборы не в городскую казну, а на депозит окружного суда. Положение об общественном управлении в Харбине, выработанное в Особом совещании при премьер-министре П.А. Столыпине, 29 ноября 1906 г. было утверждено императором Николаем II. В 1907 г. в Харбине было введено выборное городское самоуправление, которое получило законное право на сборы с актов, совершаемых у местных нотариусов, и на издание обязательных для них постановлений⁵.

Своеобразным харбинским Сити в то время был район Пристани с главной улицей, имевшей название Китайская (ныне центральная пешеходная улица в историческом районе Харбина Дао Ли — ул. Чжун ян). Здесь размещались биржа, крупнейшие банки, фешенебельные отели и рестораны, представительства крупнейших мировых торговых и промышленных компаний, здесь же были открыты и конторы первых харбинских нотариусов. К 1917 г. в Харбине имелись две нотариальные конторы — К.И. Кайдо и В.С. Алейникова. Контора Кайдо находилась по адресу ул. Мостовая, дом 12, в собственном доме на углу улицы Участковой. На той же улице Мостовой в доме Трофимова, напротив

Банка взаимного кредита, находилась контора Алейникова. Беззатратный и высокодоходный для государства, нотариат всегда привлекал клиентов еще и наличием правовых гарантий. В случае юридической ошибки или неправомерных действий по должности нотариус был обязан компенсировать причиненный вред, при необходимости — даже всем своим имуществом...

Нотариусы активно участвовали в формировании органов городского самоуправления. К.И. Кайдо и М.В. Второв стояли у истоков создания харбинского Общества землевладельцев и домовладельцев, которое К.И. Кайдо впоследствии долгое время возглавлял. Помимо объединения и правовой защиты интересов городских собственников, это Общество осуществляло также их кредитование из фондов собственного банка. Первоначально в состав Общества входили только европейцы, с 1920 г. к ним присоединились и китайские собственники городской недвижимости.

На протяжении всего рассматриваемого периода двери нотариальных контор были открыты всем жителям Харбина, без учета их национальности или гражданства, имущественного и социального положения. К нотариусам обращались не только проживавшие в Маньчжурии европейцы, японцы и американцы, но и китайцы, все более вовлекаемые в сферу деловых взаимоотношений в российском правовом поле. Они нередко обращались к нотариусу даже при необходимости засвидетельствования двусторонних актов, совершаемых без участия европейцев. Например, русскоязычная харбинская газета «Вестник Маньчжурии» в 1918 г. поместила на своих страницах следующее характерное объявление: *«Сим объявляю, что доверенными моими китайцы Лю Минчжен и Ван Ченпин больше не состоят. Выданные мною им доверенности, засвидетельствованные у Харбинских нотариусов, прошу считать недействительными. Подрядчик Ту Юйсин»*⁶.

По данным Е.Х. Нируса, деятельность двух городских нотариусов в Харбине в период 1904–1920 гг. выразилась в следующих цифрах: *«...ими было совершено 148 513 нотариальных актов и различных засвидетельствований на сумму 250 824 049 руб. 25 коп.; было протестовано 32 350 векселей на сумму 10 542 875 руб. 40 коп. Всего ими было совершено разных нотариальных действий на сумму 11 156 569 руб. В общей сложности нотариусами Харбина в период 1904–1920 гг. было совершено разных нотариальных действий на сумму 272 523 484 руб. 65 коп. Кроме того, ими было получено и внесено в городскую казну сборов на сумму 292 877 руб. Только в период с 01.01.1920 по 01.07.1920 гг. двумя городскими нотариусами Харбина было совершено 4786 нотариальных актов на сумму 19 111 392 руб. 55 коп., протестовано 34 векселя на сумму 588 262 руб., внесено в пользу городского общественного управления 74 672 руб. 20 коп.»*⁷.

В период революционных потрясений и гражданской войны на Дальнем Востоке России харбинские нотариусы не только не прекратили свою деятельность, но даже несколько активизировали ее. Деловая активность в городе увеличилась, т.к. дальневосточный и сибирский капитал поспешно выводил свои активы из зоны боевых действий в относительно спокойную Маньчжурию. Деловому Харбину в этот момент стабильность была особо необходима, поэтому российские и китайские власти стремились сохранить здесь привычный для всех порядок. После поражения белых в европейской части России и разгрома войск Колчака и Семенова на востоке ситуация изменилась коренным образом.

В феврале 1920 г. была упразднена Иркутская судебная палата, в ведомстве которой находились все судебные установления Восточной Сибири, Дальнего Востока и Маньчжурии. 23 сентября 1920 г. декретом президента Китайской республики был отменен правовой режим экстерриториальности иностранцев на ее территории. 25 сентября 1920 г. распоряжением Чжан Цзолина на территории Особого района восточных провинций Северной Маньчжурии (ОРВП) были закрыты российское консульства. Ранее были упразднены подразделения русской городской полиции и охранной стражи КВЖД. 1 октября 1920 г. был принудительно закрыт Пограничный окружной суд в Харбине. Существование российской юстиции в Маньчжурии было официально закончено, однако нотариальная часть при этом не прекратила свою деятельность.

После учреждения в Маньчжурии окружного суда и судебной палаты ОРВП все ключевые должности — председателя суда и судебной палаты, судей и прокуроров занимали китайцы. Из всех учреждений юстиции, связанных с упраздненным русским судом, в 1920 г. не подвергся закрытию лишь нотариат, *«как институт, хотя и чуждый пока китайскому законодательству, но жизненно ему необходимый»*⁸.

Через некоторое время стало очевидно, что китайским властям ничего не остается, как возобновить работу нотариальных контор на новой организационной основе. В марте 1921 г. русские нотариусы М.С. Уманский и А.Ф. Сакович получили назначение на должности в новом китайском окружном суде ОРВП⁹. Нотариат отныне был подведомствен гражданской палате этого суда. Вслед за этим была разрешена деятельность русских адвокатов, были частично сохранены кадры русской полиции (наружные службы и уголовный розыск), а также тюремной охраны. К русским служащим приставили драгоманов — штатных китайских переводчиков, посредников и наблюдателей, однако существенного влияния на характер и порядок деятельности нотариата это не оказало¹⁰.

Власти ОРВП в этот период предприняли действия, которые можно назвать рецепцией основ гражданского законодательства Российской империи и Положения о нотариальной части 1866 г. Эти документы, уже утратившие свое юридическое значение в советской России, были переведены на китайский язык и в дальнейшем, вплоть до середины 1940-х гг., сохранялись в качестве основы гражданских правоотношений в Харбине. Доказательством того, что город в этот период не утратил русский нотариат, служат биографические данные нотариусов М.С. Уманского, М.Ф. Второва, А.Ф. Саковича, Л.И. Изотова, официальные сведения о штатах судебных учреждений, материалы городской периодической печати того времени.

В марте 1921 г. М.В. Второв поступил на службу во вновь открывшуюся контору нотариуса М.С. Уманского. После смерти последнего 23 декабря 1923 г. был уволен со службы, но уже 31 декабря приказом председателя судебной Палаты ОРВП был вновь назначен на должность нотариуса города Харбина, которую бессменно занимал до 1 декабря 1937 г.

В период 1920-х гг. в Харбине были упразднены все учреждения русской государственной власти, затем были поставлены под контроль китайских властей органы городского самоуправления. Важной основой для объединения русских эмигрантов в этот период стали церковные общины. Рухнувшие государственные устои жители города пытались заменить устойчивыми общественными авторитетами. Нотариусы, всегда игравшие в жизни российской диаспоры значительную роль, принимали в деятельности православных церковных общин самое живое и непосредственное личное участие. Нотариус А.Ф. Сакович был избран председателем финансовой комиссии общественного комитета по сбору средств на строительство Благовещенской церкви в Харбине. Сбором средств на строительство Свято-Алексеевской церкви в районе Модягоу в Харбине руководил нотариус М.В. Второв. После того как этот храм с невероятными трудностями был достроен, он с 1926 по 1941 гг. состоял при нем церковным старостой. Сами по себе эти факты также могут свидетельствовать о высоком общественном признании и личном авторитете харбинских нотариусов.

Значение института нотариата в организации городской жизни стало возрастать именно в 1920-е гг. После окончания гражданской войны и поражения белых армий на Дальнем Востоке и в Сибири, их остатки укрылись в Маньчжурии. Вместе с ними сюда хлынул поток беженцев из азиатской части России. В 1920–1924 гг. здесь проживало не менее 150–180 тыс. человек русского населения, затем его численность начала снижаться за счет выезда эмигрантов в третьи страны. В условиях численного сокращения русской диаспоры и трансформации всей системы властных органов в Харбине и полосе отчуждения КВЖД русский нотариат сумел пережить ряд мощных потрясений, связанных с передачей муниципального самоуправления в руки китайских властей (1926), созданием Маньчжоу-Го (1932), продажей КВЖД (1935). Правовые услуги харбинских нотариусов были востребованы не только городским населением, собственниками и предпринимательским сообществом, но и советским руководством КВЖД. Например, доверенность

на представительство интересов в суде, выданная юрисконсульту дороги, гражданину СССР В.Б. Разумовскому, была засвидетельствована харбинским нотариусом А.Ф. Саковичем 5 июля 1928 г. в его конторе, находившейся в доме 17 по улице Китайской¹¹.

Нотариус Анатолий Федорович Сакович в годы гражданской войны являлся юрисконсультом контрразведки КВЖД и одновременно возглавлял в этом органе отдел по борьбе с большевизмом¹². Текст доверенности орфографически и стилистически свидетельствует о том, что форма нотариального делопроизводства в Харбине и в конце 1920-х гг. оставалась подчеркнута «старорежимной». Сама личность нотариуса, безусловно, отвечала запросу большинства европейского населения города, состоявшего преимущественно из бывших подданных Российской империи, эмигрантов и иностранцев. Вместе с тем, по нашему мнению, бытовавшая здесь историческая форма нотариата и сама фигура русского нотариуса стали воплощением хотя и временного, но достаточно удачного компромисса, достигнутого властью и обществом. В условиях уникального по своей эклектике социально-культурного пространства города Харбина 1920–1930-х гг. правовой институт нотариата остался общедоступным, легитимным и был широко востребован.

По данным на 1932 г., в Харбине открылась контора китайского нотариуса Юй Ляньцзы, однако вытеснения русских нотариусов за этим не последовало. После отставки М.В. Второва с конца 1937 г. нотариусом Харбина служил Л.И. Изотов, бывший прокурор Пограничного суда.

«Восточный Париж», «Китайская Женева» — такими эпитетами награждали современники русский Харбин в его лучшие годы. Впоследствии для характеристики процесса постепенного ослабления русского влияния в жизни города и описания уходящей русской цивилизации в этой части Азии был избран другой яркий образ — «Русская Атлантида». Нотариусы Харбина в период 1920-х — 1940-х гг. представляли собой последние осколки дореволюционного российского правового быта в этой некогда процветающей русской колонии, постепенно уходящей в небытие.

Значение деятельности института русского нотариата в Маньчжурии состоит в том, что она обеспечивала правовую стабильность и защищенность деловой активности, гражданского оборота и отношений собственности в этой части Азии, на время ставшей второй родиной для десятков тысяч россиян. Более чем сорокалетняя история русского нотариата в Маньчжурии является важной частью истории двусторонних отношений, а своеобразие условий его функционирования и судьбы работавших здесь русских нотариусов, на наш взгляд, заслуживают внимания и дальнейшего изучения.

1. Временное положение об управлении Квантунской областью. Закон 16-го авг. 1899 г. Собрание узаконений. 1899. № 1524.
2. ГАИО. Ф. 246. Оп. 2. Д. 13. Л. 17–17 об.
3. ГАИО. Ф. 246. Оп. 6. Д. 26. Л. 5.
4. Дальний Восток. 1904. № 222.
5. ГАИО. Ф. 246. Оп. 2. Д. 13. Л. 51, 55.
6. Вестник Маньчжурии. 1918. 27 июля.
7. *Нилус Е.Х.* Исторический обзор КВЖД, 1896–1923 гг. Харбин, 1923. С. 568–569.
8. Там же. С. 565.
9. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 41726. Л. 1–5.
10. Весь Харбин: Адресная и справочная книга на 1926 г. Харбин: типография КВЖД, 1926. 111 с.
11. РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 691. Л. 43 об.
12. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 41726. Л. 1–5.